Lys

Совершенный дворянин из Клертона

Lys

Совершенный дворянин из Клермона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118204
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Каков он, образцовый дворянин? Каким представляли его в эпоху рыцарства и каким он должен был быть в эпоху Ренессанса? К каким идеалам стремился юный воспитанник Клермонского коллежа? Как постулаты книги Кастильоне повлияют на формирование характера того, кто станет потом всем нам известным Атосом, одним из четверки героев Дюма? О том, что могло бы быть до того, как начались события «Трех мушкетеров», о знакомстве Портоса и Атоса и начале пути.

Содержание

I 5
II 13
III 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Lys
Совершенный дворянин из Клермона

«Атос всегда верен себе, – подумал епископ, – хорошее всегда хорошо».

А.Дюма. «Виконт де Бражелон, или десять лет спустя»

I
Сеньор Перес

Сеньор Перес очень любил то, чем занимался, хотя трудно было бы одним словом описать род его деятельности.

Кроме самого Переса (и его духовника) никто точно не знал, кто он такой и откуда взялся. Сеньором его тоже не называли, хотя признать в нем испанца не составляло труда. Правда, внешность его была лишена той сумрачной утонченности, какой очаровывали дам благородные идальго. Он был простым человеком. Темная кожа и глубокие складки на лице делали его похожим на старую обезьяну. Как многие из его соотечественников, Перес был истым католиком, а его преданность ордену Иисуса не знала границ.

Он жил при Клермонском коллеже и ученики в шутку называли его «святым покровителем Пересом Клермонским». Прозвище вызывало у испанца бессильную ярость. Он считал его святотатством и грозил мальчишкам кулаком, после чего неизменно крестился, закатив глаза и вознося горячую молитву на каком-то испанском диалекте.

Поскольку Пересу не дано было уродиться доном, ему пришлось многому научиться за свою жизнь и ко многому приспособиться. Он знал массу ремесел, хотя ни одним не владел в совершенстве; умел делать все понемногу и охотно

пробовал что-то новое. Он годами не обновлял платья, самостоятельно справляясь со стиркой и штопкой, а все деньги, которые платил ему ректор, относил в церковь, оставляя себе самую малость на пропитание.

В том, что касалось хозяйства, Перес следил за имуществом коллежа больше, чем иные бдят за собственным. Он чинил, приводил в порядок, исправлял, красил, менял старое на новое и осыпал проклятьями несносных мальчишек за их неугомонное желание все ломать и носиться по двору, вытаптывая траву.

Ночью Перес выполнял обязанности сторожа, и ему нисколько не лень было по многу раз обходить здание, заглядывая во все углы.

Он брел по галерее внутреннего двора и бормотал себе под нос, что навес надо бы привести в порядок – доски местами прогнили и прогибались под весом налипшего снега.

Задирая голову и щурясь, Перес разглядывал деревянные крепления, отмечая про себя особо опасные в этом смысле места.

Занятый «инспекцией», он не сразу услышал голоса, доносившиеся из-за двери ректорской библиотеки. На самом деле это была просто комната – в свою личную библиотеку ректор никогда не пускал не только учеников, но и просто посторонних. Однако, не желая видеть в своих покоях малолетних «варваров», он, тем не менее, считал необходимым знакомить их с теми сокровищами мысли, что собрал

за свою долгую жизнь. Компромиссом между этими желаниями и стала комната, прозванная учениками «ректорской библиотекой».

Система была проста: ученик, желающий получить книгу для работы, извещал об этом отца Лазара – секретаря ректора. После беседы с наставником ученика отец Лазар решал, достоин ли ученик такой чести и хватит ли у него ума для работы с запрошенным источником. Нередко ученику предлагались другие книги, которые подходили уровню его развития, и крайне редко – книги более сложные, чем просил ученик.

Окончательное решение принимал ректор. Если оно было положительным, ученик получал книгу на точно определенное количество часов и ни минутой больше. Выносить книги за пределы «ректорской библиотеки» было строжайше запрещено, как и делиться ими с теми, кто одновременно работал в комнате, а таких, как правило, было до пяти-шести человек. За порядком следил отец Лазар – он выдавал книги, и он же нависал неумолимой тенью над тем, кому пора было книгу сдавать. Ученик, закончивший читать, тут же изгонялся из комнаты, дабы не возникало у него искушения заглядывать в работы других.

Об этом порядке в коллеже знали все, в том числе и Перес. Поэтому голоса из «ректорской библиотеки» в такой час, когда все ученики давно должны были покинуть здание, заставили его подумать о ворах. Бродяг в Латинском квар-

тале хватало, да и сами студенты порой выглядели так, что немногим отличались от них. Пересу были известны случаи, когда нерадивые ученики, давно выгнанные из своих коллежей, оставались жить в Латинском квартале и с легкостью превращались из вчерашних студентов в сегодняшних бандитов. Они шлялись по трактирам, добывали пропитание игрой в кости и карты, и не брезговали «пощупать» карманы одинокого прохожего.

Перес достал широкий тяжелый нож, с которым никогда не расставался, и на цыпочках подкрался к двери. Голоса теперь слышались явственнее – несколько человек запальчиво вели спор на латыни.

Перес сунул нож за пояс, и его лицо приобрело свирепое выражение:

– Niños![1]

Он резко распахнул дверь и остановился на пороге. В комнате только что горела свеча, белесый дымок еще был виден и в воздухе ощущался характерный запах нагретого воска. Но свечу поспешно потушили и Перес тщетно напрягал глаза, стараясь разглядеть в темноте тех, кто притаился по углам.

Мальчишки не подавали признаков жизни, но Перес явственно ощущал их присутствие.

– Выходите, шалопаи! – угрожающе крикнул он. – Ну?

Слева от Переса послышался легкий шорох, испанец по-

[1] Юнцы, мальчишки (исп.)

вернул голову и тут же кто-то изо всех сил толкнул его в бок. Перес не устоял и опустился на одно колено, упершись руками в пол. Мальчишки ринулись к выходу. Перес извернулся и попытался ухватить хоть кого-нибудь, но окончательно потерял равновесие и шлепнулся на спину.

Вслед ученикам понеслись ругательства, но это не могло их остановить.

Резвая стайка одним духом промчалась по двору. Цепляясь за металлические завитки, мальчишки ловко перелезли через уже запертые ворота и, как горох, «высыпались» на мостовую улицы Сен-Жак. Смеясь, они распрощались друг с другом и направились в разные стороны. Через несколько минут у ворот Клермонского коллежа снова стало тихо и из темноты выступали лишь едва заметные очертания зданий – безмолвных и мрачных свидетелей ночной жизни.

Двое из «niños» добежали до угла и свернули на Сент-Этьен-де-Гре. Коллеж остался у них за спиной, а дальше, в глубине улицы, можно было различить ямы и оставленные на ночь высокие деревянные козлы – там добывали песчаник.

Мальчишки – один крепкий, коренастый, лет 13–14 и другой, помладше – тонкий, гибкий – остановились отдышаться.

Младший шумно выдохнул:

– Как это мы забыли про «святого Переса»?

– Вы слишком увлеклись этими стихами. Неужели нельзя было почитать днем?

– Как Вы не понимаете, Тардье! Если бы отец Лазар уви-

дел, что де Круа тайком переписал их, нам бы еще не так влетело, – и со смешком добавил, – нам еще рано их читать.

Крепыш пожал плечами:

– Ничего такого, глупости одни. А вот где мы теперь будем ночевать? Пересидеть до утра в коллеже уже не получится.

– Может, попроситься к канонику церкви Сент-Этьен-де-Гре? Тут совсем рядом и он нас знает.

– Ла Фер, Вы что, забыли, что было в прошлый раз? Он принял нас за чертей и своими воплями перебудил всю улицу. А его служанка – вот уж кто настоящая чертовка! – выплеснула на нас помои. Хорошо, что не попала.

Ла Фер звонко рассмеялся:

– Я помню! Так забавно.

Тардье хмыкнул:

– Да, есть о чем рассказать. Но что нам делать сейчас? Если мы останемся на улице, мы замерзнем.

Он потопал ногами и несколько раз энергично хлопнул себя по бокам:

– Чертовски холодно! А может… У Вас есть деньги?

– Нет, я собирался остаться в коллеже и отослал слугу.

– Слугу ладно, но деньги-то с ним зачем?

– А что Вы хотите?

– Можно пойти в трактир, снять какой-нибудь угол до утра. Вряд ли это будет очень дорого, как Вы думаете? – Тардье порылся в кошельке. – Черт, у меня совсем мало, разве что на одну бутылку вина.

– Вы что, всерьез собрались в трактир?

Тардье помялся:

– Так больше некуда. Я знаю один неплохой. Когда ко мне приезжал старший брат, он водил меня туда. Дорогу я помню.

Младший подросток колебался:

– Мы… не должны ходить в такие места. Лучше пойти домой. Вы можете переночевать у меня.

– В Ситэ? И что, мы дойдем? В такое время? Да нас прирежут по дороге! Или, в лучшем случае, поймает стража. У нас даже завалящего ножика нет.

Ла Фер вздохнул:

– Нам не разрешают носить в коллеж шпаги.

– А-а-а, – Тардье с досадой махнул рукой, – не напоминайте. Сами видите, у нас просто нет другого выхода.

– А… что это за трактир?

– «Сосновая Шишка». Это в сторону ворот Сен-Женевьев, рядом с аббатством. Не думайте, это не какая-нибудь дыра, место вполне приличное.

– Хорошо, только сначала давайте постучим к канонику. Может нам повезет?

– Ну, давайте, я, в общем, не прочь. Тогда и идти никуда не придется.

Но им не повезло. У каноника никто не выглянул поинтересоваться, что за полуночные гости скребутся в дверь. Тогда, поплотнее завернувшись в плащи, мальчишки бегом

припустили по улице, желая как можно скорее оказаться в тепле.

II

Сосновая Шишка

«Сосновая Шишка» была известным заведением, и мно-

гие студенты предпочитали этот трактир всем другим. То, что ни Тардье, ни Ла Фер близко еще не познакомились с этим местом, объяснялось только их юным возрастом – им было рановато шататься по трактирам.

Мальчишки и сами понимали это, но именно поэтому изо всех сил старались напустить на себя уверенный вид, когда перешагнули порог веселого кабачка. Невзирая на поздний час, там было много народу, и новоявленные «гуляки» с трудом нашли место, чтобы пристроиться.

– Видите? – шепнул Тардье. – В этой толпе нас никто не заметит. Только поспать не удастся.

– А когда кабак закроют?

– Что-нибудь придумаем. По-крайней мере, тут тепло.

Они устроились поудобнее, прикрывшись плащами, и сидели тихо, стараясь не привлекать ничьего внимания.

Вокруг не только играли, орали и пели песни. Вокруг еще ели и пили, и мало-помалу у мальчишек стало урчать в желудках.

Тардье еще раз проверил свой кошелек и вздохнул:

– Придется потерпеть. Не хочу сразу спускать все. Мало ли…

Он не договорил, поймав чей-то внимательный взгляд, направленный на его деньги. Тардье поспешно сунул кошелек в карман и с рассеянным видом уставился в потолок, изображая скуку.

– Эй, малец, что там у тебя?

Из-за соседнего стола к Тардье потянулась рука – не слишком опрятный молодой человек ухватил мальчишку за плечо.

– Покажи.

Тардье инстинктивно прижал руку к карману и молодой человек пьяно рассмеялся:

– Ага! Значит, деньги? Давай их сюда. Мне пора выпить.

– Я Вас не знаю, оставьте меня в покое.

– Давай по-хорошему, quidquid latet apparebit[2] – выворачивай карманы!

– У нас нет ничего спрятанного, – вмешался Ла Фер. – Мы просто зашли погреться.

Молодой человек не обратил на это внимания и, не отпуская Тардье, придвинулся вплотную к столу.

– Redde, quod debes,[3] – вкрадчиво, с угрозой, сказал он.

– Мы ничего Вам не должны, и, к сожалению, не можем Вас угостить, volo, non valeo[4] – сдержанно заявил Ла Фер, в свою очередь, придвигаясь к Тардье.

Пьяный обернулся и прищурился.

– Умник, да? Тут все такие. Откуда вы?

– Мы… из Клермона.

Ла Фер тихо охнул и схватил Тардье за руку, но было поздно. Ничего не понимая, Тардье растерянно повторил:

---

[2] Тайное становится явным (спрятанное проявляется) (лат.)

[3] Отдай, что должен (лат.)

[4] Хочу, но не могу (лат.)

– Из Клермона, а что?

– Иезуиты? – поднял брови молодой человек и громко, на весь трактир переспросил, – Collegium Societatis Iesu?[5]

Теперь уже не одна голова повернулась в сторону мальчишек.

– Клермонцы… Иезуиты… Шпионы…

Тардье, озадаченный такой реакцией, невольно обвел взглядом зал. Трактирщик все видел, но предпочел не вмешиваться. Основная часть посетителей не обратила внимания на назревающую ссору, но те, кто проявил интерес, были явно на стороне пьяного.

Среди посетителей выделялась группа молодых людей – у них была богатая, изысканная одежда и надменные улыбки. Сами никого не задирая, они смотрели вокруг с нескрываемым превосходством.

Это были «наваррцы» – воспитанники Наваррского коллежа, высокомерные отпрыски знатных и богатых семей, многим из которых прочили блестящую политическую и военную карьеру.

Тардье указал глазами на «наваррцев» и тихо спросил Ла Фера:

– Знакомы?

– С некоторыми, но мы не друзья, – так же тихо, не шевеля губами, ответил Ла Фер.

– Черт.

---

[5] Содружество общества Иисуса (лат.)

Молодой пьяница не мог расслышать быстрых реплик, которыми обменялись мальчишки, но он уловил взгляд Тардье, заметил закушенную губу Ла Фера, и все понял. С мерзкой улыбкой он процедил:

– Ignis fatuus.[6] Никто не станет заступаться за питомцев Клермона.

– А Вы, конечно, студент Сорбонны? – вежливо-высокомерно поинтересовался Ла Фер.

– Уже нет, – смеясь, выкрикнул кто-то.

– Неважно, – огрызнулся бывший студент. – Хватит шуток.

Он осклабился и вынул нож:

– Давай деньги.

Мальчишки переглянулись и Тардье, тяжело вздохнув, медленно выложил кошелек на стол.

Вымогатель перевел вопросительный взгляд на Ла Фера.

– У него ничего нет, – мрачно буркнул Тардье. – Не трогайте его.

– Что, малец, правда, пусто? – подмигнул пьяный.

Среди наблюдавших эту сцену раздались смешки.

Ла Фер вспыхнул и сжал кулаки, но лезть на взрослого, вооруженного ножом мужчину, было бессмысленно.

Пьяный вытряхнул кошелек и пересчитал деньги.

– На сегодня хватит, – неожиданно философски-спокойно заявил он. – Считайте, что вам повезло, юнцы. Этот урок

[6] Призрачная надежда (лат.)

почище тех, что дают иезуиты. А теперь марш отсюда, пока вас страже не сдали на радость вашему ректору. Ведь я не поленюсь, позову…

Криво улыбаясь и, не сводя глаз с мальчишек, он демонстративно сделал несколько шагов в сторону двери, но налетел на юношу, который несколько минут назад вошел в трактир в сопровождении двух друзей и медленно шел между столами, выискивая свободное место.

Юноше было около 17–18 лет. Он был худощав и долговяз, но прекрасно сложен, так что эти, казалось бы, недостатки внешности, в будущем сулили преимущества – изящную, гибкую фигуру и длинные, стройные ноги. Лицо отличалось не столько красотой, сколько красивостью, и юноша выглядел весьма довольным собой. Когда пьяный молодчик налетел на него, он высокомерно выдвинул подбородок, но отреагировал с отменным хладнокровием:

– Будьте осторожнее, сударь. Тут тесно, но достаточно имеется места, чтобы дать Вам оплеуху.

Из-за сильного иностранного акцента казалось, что юноша кривляется, и от этого его слова звучали еще обиднее.

Пьяный вскинулся, но тут же осекся – рука юноши весьма выразительно похлопывала по эфесу шпаги, а рядом стояли его вооруженные друзья. Забияке осталось удовольствоваться раздраженным замечанием:

– Прошу прощения. Надеюсь, я достаточно внятно говорю, и Вы меня понимаете? Потому что я Вас – не очень.

Юноша самоуверенно усмехнулся:

– Я хотел быть вежливым и вот почему использовал Ваш родной язык. Но если Вы считаете, что я стараюсь ни для чего…

Он повернулся к своим товарищам и что-то сказал по-английски. Те засмеялись. А юноша продолжал бросать отрывистые фразы от которых его друзья хватались за бока.

Пьяный заскрежетал зубами, но ничего не мог возразить – он не понимал ни слова. Тогда, желая уязвить англичанина, бывший студент выложил на стол свой последний козырь – латынь.

– Per risum multum cognoscimus stultum,[7] – высокомерно изрек он.

– Nulla reguila sine exceptione,[8] – тут же отреагировал юноша. – Наш смех имеет причину, но невежество не дает Вам оценить это.

– Вы называете невеждой человека, который учится в Сорбонне? – дрожа от злости, бросил молодой человек.

– Ах, Сорбонна! – англичанин пренебрежительно махнул рукой. – Тогда это ясно. У нас в Королевском коллеже нет глупцов как Вы.

– В Сорбонне тоже! – засмеялись в компании за соседним столом. – Его выгнали.

Англичанин на несколько дюймов вытащил шпагу из но-

---

[7] По беспричинному смеху мы узнаем глупца (лат.)

[8] Нет правил без исключения (лат.)

жен и холодно сказал:

– Убирайтесь, любезный, Вы мне надоели.

Бывший студент, бормоча под нос проклятия, счел за лучшее уйти. В раздражении он совсем забыл о деньгах Тардье, которые так и остались лежать рядом с кошельком. Иностранец равнодушно скользнул взглядом по столу, затем по мальчишкам, и, продолжая беседовать со своими друзьями по-английски, проследовал мимо.

Тардье поспешно убрал кошелек и шепнул Ла Феру:

– Нам лучше уйти отсюда, пока еще кто-нибудь не вспомнил о наших деньгах.

Мальчишки выскользнули из трактира и снова оказались на холодной, темной улице. Для начала они как следует огляделись. Улица была пустой. Их недавний обидчик исчез, поспешив на поиски нового пристанища.

– Да, проучили нас на славу, – задумчиво проронил Тардье.

Ла Фер кивнул:

– Это хороший урок и я его запомню.

– Не бродить ночами?

– Никогда не оставаться безоружным. Я буду просить ректора разрешить мне ношение шпаги в коллеже.

– Иначе Вы бросите учебу?

– Да, – твердо ответил Ла Фер. – Или буду учиться там, где смогу чувствовать себя мужчиной.

Тардье неловко улыбнулся:

– Вы уж совсем… Придет время, и… Просто нам не нужно было идти сюда, глупая была затея. Но я же хотел как лучше. Послушайте, а у Вас тут нет знакомых?

Тардье неопределенно махнул рукой в сторону домов, которые теснились между городской стеной и высокой оградой аббатства святой Женевьевы.

– Вы же почти все время живете в Париже, неужели совсем никого?

Ла Фер отрицательно покачал головой. Тардье грустно вздохнул:

– До утра еще далеко…

– Вообще-то у меня была мысль, только теперь я не уверен, что нам стоит рисковать еще раз.

– Хм… И?

– В Сен-Жерменском предместье живет стряпчий Феру. Он ведёт наши дела в Париже. Граф де Ла Фер слишком занят, чтобы часто приезжать сюда, вот он и дает мне поручения к стряпчему.

– О, так Вы хорошо знаете предместье?

– Неплохо.

– Гм, стряпчий… Он, наверное, живет в конуре, на пару с каким-нибудь писцом.

– Нет, Феру очень почтенная фамилия. Когда-то в Сен-Жермене были большие виноградники, они все принадлежали прокурору Этьену Феру. Местные так и называли их «виноградники Феру». А теперь так называют улицу, где стоит

его дом – Феру.

– Представляю, как он нажился, когда продавал землю под застройку!

– Феру и до этого были богаты. Эта семья издавна имеет прекрасную репутацию среди судейских.

– Но этот старый прокурор устроит нам выволочку, если мы заявимся к нему среди ночи!

Ла Фер улыбнулся:

– Он не старый и пока не прокурор. *Тот* Этьен Феру давно умер. А *наш* Этьен Феру – его внук или правнук, точно не помню. Он пока не женат и живет один – родители несколько лет назад перебрались в Ситэ. Это Феру-отец посоветовал графу де Ла Фер своего Этьена. Мы тогда как раз покупали дом на площади Дофина, и граф хотел, чтоб старый Феру занялся этим вопросом. Но у него было слишком много клиентов из-за этой застройки. Сначала граф сомневался в способностях Этьена и хотел найти кого-то постарше и посолиднее, но Феру поручился за сына и обещал в случае провала дела лично возместить все убытки. Мне показалось, что Феру-сын был задет таким пренебрежением и потому постарался показать все, на что способен.

– А Вы, что же, были там?

– Да, отец всегда брал меня с собой, чтоб я учился.

Тардье презрительно выпятил губу:

– Сделки, стряпчие… как это все глупо и скучно.

– Ну отчего же, Этьен отлично все устроил. Он посове-

товал графу привезти наличные вместо того, чтобы подписывать обязательства по выплате на несколько лет. Чтоб достроить Новый мост королю очень нужны деньги и лучше меньше, но сейчас, чем больше, но через год-два. Так как мы внесли всю сумму сразу, Феру добился для нас очень выгодных условий – граф получил полные права на владение домом еще когда только заложили фундамент, и смог устроить внутри все по своему вкусу, вместо того, чтоб получить готовый дом через три года и потом тратить деньги на переделку. Это не считая того, что в итоге дом обошелся нам на четверть дешевле, чем если бы граф поступил как все, обязавшись вносить сумму частями в течение нескольких лет. Так что не так уж и глупо! – рассмеялся Ла Фер. – С тех пор Этьен Феру ведет наши дела в Париже.

– И далеко нам до него добираться?

– От ворот Сен-Мишель я не спеша доходил за полчаса.

– Идти лучше вдоль городской стены, так безопаснее, – деловито заявил Тардье, подхватывая полы плаща.

– Значит, пойдем?

– Мы через четверть часа уже будем там! В предместье должно быть поспокойнее, чем в Париже.

– Да, там рано ложатся, да и бродяг почти нет, особенно зимой.

– Еще бы – в такое время в поле околеешь! Это не по трактирам отсиживаться.

За пару минут мальчишки дошли до городской стены и

под ее защитой без хлопот дошагали до ворот Сен-Мишель. Выбравшись в предместье, они остановились. Ла Фер внимательно осмотрелся и показал приятелю на выделявшиеся среди полей и виноградников высокие темные крыши:

– Видите? Это монастырь Шартрез. Он должен все время быть левее, тогда мы не собьемся. Идем прямо через поле до дороги на Вожирар, а там совсем рядом.

Они припустили бегом, на ходу перелезая, а где и попросту перепрыгивая через изгороди. Откуда-то выскочила собака и с лаем помчалась за ними, но Тардье с размаху дал ей пинка, и пес, скуля, отстал. Запыхавшись, но согревшись от бега, мальчишки выскочили на дорогу. Едва переведя дух, Ла Фер повел приятеля вдоль домов и остановился перед самым солидным на вид. Вокруг была каменная стена поверх которой мог бы заглянуть взрослый, но мальчишки, как ни тянули шеи, ничего не увидели.

– Высоко, – разочарованно сказал Тардье. – Может, подсадить Вас?

– Там дальше есть калитка. Скорее всего, закрыта, но я сейчас проверю.

– Я лучше с Вами.

Они прошли с десяток шагов, когда услышали чей-то шепот, шорохи и тихий женский смех. Калитка была «утоплена» в некоем подобии ниши и потому те, кто там стоял, были незаметны. Ла Фер предупреждающе поднял руку и Тардье кивнул: «Понял, молчу». Парочка, прятавшаяся в нише, уже

прощалась и через несколько мгновений оттуда выскользнула женщина, на ходу посылающая прощальный поцелуй:

– До завтра!

Увидев притаившихся у стены мальчишек, она ахнула, закрыла лицо руками и поспешно скрылась среди деревьев, окружавших соседний дом. Мужчина, услышав ее вскрик, выглянул из ниши.

Ла Фер сделал шаг вперед:

– Добрый вечер, господин Феру. Это я – шевалье де Ла Фер.

Этьен Феру нахмуривший было брови, узнав мальчика, озабоченно спросил:

– Добрый вечер, молодой человек. Чем обязан в столь позднее время? Надеюсь, с графом все благополучно?

– Да, благодарю Вас.

– А с графиней?

– Благодарю, все хорошо.

– Я тревожусь, потому что только неотложные дела могли заставить Вас оказаться здесь заполночь. Хвала святому Сюльпицию, – Феру поднял голову и перекрестился на церковный шпиль, выглядывавший из-за крыш, – что Вы добрались целы и невредимы. Епископ Буржа хранит своих берийцев.

Феру не смотрел прямо в глаза шевалье – это было бы слишком дерзко – но поглядывая исподволь, он внимательно изучал выражение лица мальчика и, кажется, стал дога-

дываться о причинах ночного визита.

Чуть улыбнувшись, он снова спросил:

– Так что за надобность лишила Вас покоя?

– Я не по поводу наших дел.

– Видимо, по поводу *Ваших* дел, – едва сохраняя серьезность, сказал Феру. – Что ж, я уже свободен, и готов уделить Вам и Вашему другу все свое внимание. Прошу в дом!

Этьену Феру было 28 лет, но выглядел он гораздо старше, к чему прилагал немало усилий. Он давно усвоил, что чересчур молодой вид отпугивает клиентов, а брюшко, приличная борода и серьезное выражение лица неизменно вызывают доверие к его знаниям и связям. По природе он был подвижным и веселым, но старался сдерживать себя и двигаться неспешно. К его крайнему огорчению, ему никак не удавалось обзавестись нужным размером талии, и поэтому он носил просторную одежду, стараясь создать хотя бы видимость солидных объемов. Волю своему веселому нраву он давал только в кругу друзей или с дамами (за исключением тех случаев, когда дама была клиенткой), поэтому среди тех, кто знал его близко, он слыл добрым малым.

Пока мальчишки уплетали поданный ворчливой служанкой ужин, Феру с любопытством поглядывал то на одного, то на другого, гадая, каким чудом они могли тут оказаться. Однако он не задал ни одного вопроса – профессия научила его безошибочно выбирать правильную линию поведения. Насколько он успел узнать характер младшего Ла Фера, рас-

спросы ни к чему не приведут. Шевалье найдет самый уклончивый ответ, а к любопытствующему начнет относиться настороженно.

Но раз мальчишка не стал возражать на предположение, что речь идет о его *личных* делах – вот отличный случай приобрести его доверие. Надо просто подождать, чтоб он сам рассказал то, что посчитает нужным; что касается остального, то Феру полагался на свой опыт – у него хватит ума догадаться, о чем парень умолчит.

Было уже очень поздно, и Тардье просто засыпал за столом. Ла Фер тоже изо всех сил старался не зевать, но то и дело прикрывал рот ладонью. Служанка уже приготовила постели, и Феру приказал ей отвести Тардье:

– Идите, а шевалье я проведу сам.

Тардье сонно кивнул, с трудом пробормотав слова благодарности, и ушел. Феру показал шевалье де Ла Феру его комнату и с самым серьезным видом сказал:

– Спокойной ночи, молодой человек. Не беспокойтесь, утром я пошлю кого-нибудь к Вам домой сообщить, что с Вами все благополучно.

Шевалье вздрогнул и Феру, делая вид, что не понимает причины, еще раз повторил:

– Не беспокойтесь, я все сделаю.

– Господин Феру…

– Да?

– Я хотел просить Вас об одолжении.

– К Вашим услугам.

Шевалье тяжело вздохнул, потом решительно поднял голову и посмотрел в глаза Феру:

– Я сам расскажу о своем отсутствии.

– Вы просите меня никому ничего не говорить?

– Да, оставьте это мне.

– Что ж, Ваше право отвечать за свои действия.

Шевалье снова вздохнул:

– Я ничего плохого не сделал, а чувствую себя ужасно.

Феру осторожно присел рядом с мальчишкой и доброжелательно улыбнулся:

– Может, Вы слишком строги к себе? Я не верю, что Вы что-то натворили.

– Мы задержались в коллеже, читали стихи и забыли о времени. А потом пошли в трактир. Понимаете, – шевалье растерянно посмотрел на Феру, – мы просто не знали, куда нам деваться до утра.

– Я понимаю, на улице холодно.

– Мы не собирались кутить.

– Не сомневаюсь.

– Да и денег у нас не было. У Тардье немного. Там был бродяга, который стал угрожать нам ножом и хотел забрать деньги.

– Боже мой, шевалье, надеюсь, вы ему всё отдали?

Ла Фер помрачнел и кивнул:

– Да. А потом мы ушли оттуда, и я вспомнил про Вас.

– Шевалье! Вы правильно поступили. Слышите? И не вздумайте себя корить! Почему Вы сразу не пошли ко мне?

– Я не подумал.

– Ох, хорошо, что все закончилось *так!* Я ничего не расскажу ни графу, ни графине, это Ваше дело. Но пообещайте, что, в случае нужды, Вы будете почаще вспоминать обо мне.

Феру улыбнулся и Ла Фер смущенно кивнул.

– Я всегда помогу Вам, если это будет в моих силах. Это уже *я* Вам обещаю. А теперь не убеждайте меня, что еще не хотите спать – у Вас глаза слипаются. Мне тоже пора отдыхать. Спокойной ночи, шевалье.

– Спокойной ночи. И… спасибо Вам.

III

Латинский квартал

Как ни рано проснулись мальчишки, а Феру уже был на

ногах. Он давно позавтракал и работал у себя в кабинете. Об этом гостям сообщила вчерашняя служанка-ворчунья. Она принесла воды, чтоб умыться, решительно заявила, что никому не будет помогать одеваться (хотя ее и не просили) и напомнила, что завтрак их ждет там, где вчера был подан ужин.

Мальчики заканчивали трапезу, когда в столовую вошел Феру.

– Доброе утро, молодые люди. Судя по отменному аппетиту, отдохнули вы хорошо.

– Доброе утро, господин Феру. Позвольте поблагодарить Вас за предоставленный кров и возможность провести ночь, как подобает христианам, а также…

Феру с подобающей важностью выслушал маленькую, но изысканную речь шевалье де Ла Фера к которой грубоватый де Тардье добавил своё: «Благодарю за еду, постель, и вообще…», и поклонился в ответ.

Отправляя их в коллеж, Феру настоял, чтоб они взяли провожатого. Посмеиваясь про себя, но сохраняя серьезный вид, Этьен заявил недовольным мальчишкам:

– Вам, молодым дворянам, положено быть храбрыми. Но я – человек привыкший к осторожности, и вы должны быть снисходительны к моим страхам. Я просто изведусь от мысли, не случилось ли чего. Если Жиру проводит вас, я буду спокоен.

Феру щелкнул пальцами, и в комнате потемнело – слу-

га, ожидавший у порога знака хозяина, шагнул вперед, и его огромная тень накрыла всех троих.

– Ох… – сглотнул Тардье, не найдя слов.

Юный Ла Фер промолчал, но его глаза выразительно округлились.

– Да, – самодовольно улыбнулся Феру, – Жиру хороший малый, сын кузнеца.

– Представляю себе его папашу, – пробормотал Тардье.

– Папаша посолиднее будет, – добродушно пробасил Жиру. – Я еще молодой.

Феру закашлялся, тщетно пытаясь скрыть смех.

– Итак, господа, доброй дороги. Не обижайте Жиру, он парень простой, необразованный, но добрый и богобоязненный. Да, забыл сказать, бегает он тоже быстро, не смотрите, что он такой большой.

Мальчишки обменялись мрачными взглядами, а Жиру ухмыльнулся.

– Спасибо за заботу, – сумел выдавить из себя шевалье де Ла Фер. – Вы очень любезны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.